

НОВАЯ ЭРА

МАЙК Р. КЭРИ

НОВАЯ ЭРА

МОСКВА
2016

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
К98

M.R. Carey
THE GIRL WITH ALL THE GIFTS
Copyright © 2014 by M.R. Carey

Ранее книга издавалась под названием «Дары Пандоры»

Кэри, М. Р.
К98 Новая эра Z / М.Р. Кэри ; [пер. с англ. А. Доли]. — Москва :
Издательство «Э», 2016. — 448 с.

ISBN 978-5-699-91999-4

Мелани — совершенно особенная девочка.

Каждое утро она послушно ждет, пока солдаты заберут ее из комнаты. Приковывая ее к креслу и держа на мушке, солдаты дрожат от страха. Мелани шутит: «Я не кусаюсь», но никто не смеется.

Только в этом мире, где население Бирмингема равно нулю, где зубы — оружие страшнее ружья, 10-летняя девочка способна наводить ужас на потрепанных жизнью солдат. Она же просто ребенок... или нет?

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-91999-4

© А. Доля, перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

КНИГА 1

..... 1

Ее зовут Мелани. В переводе с древнегреческого — «Черная девочка», хотя кожа у нее на самом деле очень светлая, поэтому она не уверена, что это имя ей подходит. Ей куда больше нравится имя Пандора, но выбирать не приходится. Мисс Джустин присваивает имя каждому новорожденному из большого списка либо женских, либо мужских имен. «Так было всегда», — говорит она.

Хотя новые дети давно уже перестали появляться. Мелани не знает почему. Раньше их было много; детские голоса прорезали ночную тишину почти каждую неделю. Еле слышно раздавались приказы, просьбы, иногда проклятья, затем дверь камеры хлопывалась. Спустя где-то месяц или два в классе появлялся новый ученик, мальчик или девочка, который даже не умел разговаривать. Хотя схватывал все на лету.

Мелани сама когда-то была новенькой, но сейчас уже не может почти ничего вспомнить, так как это было очень давно, еще до появления слов; одни вещи без имен, а они быстро забываются, вываливаются из твоей головы и исчезают.

Сейчас ей десять, и кожа у нее точь-в-точь как у принцессы из сказки, белая как снег. Она знает,

что когда вырастет, станет очень красивой и принцы будут драться за право спасти ее из замка.

Если, конечно, у нее будет замок.

Сейчас у нее есть камера, коридор, учебный класс и душевая.

Камера маленькая и квадратная. В ней стоят кровать, стул и стол. На серых стенах висят две картины: на большой изображены тропические леса Амазонки, на той, что поменьше, — котенок, пьющий из блюдца. Иногда сержант и его люди переселяют детей из одной камеры в другую, поэтому Мелани знает, что в разных камерах висят разные картины. Раньше она видела лошадь на лугу и гору с заснеженной вершиной, что нравилось ей куда больше.

Картины развешивает мисс Джустин. Она вырезает их из старых журналов, что лежат в классе, и цепляет на стену с помощью синих липких пластинок по краям. Она печется об этих синих пластинках, как последний скряга из какой-нибудь сказки. Всякий раз, как она снимает или вешает картину, она собирает все синие пластинки, что прилипли к стене, и цепляет их обратно к маленькому шарикю, который она хранит в своем столе.

Когда они закончатся, они закончатся, — говорит мисс Джустин.

В коридоре двадцать дверей слева и восемнадцать справа плюс по двери в каждом конце. Одна из них, красная, ведет в класс — в этом Мелани уверена. Куда ведет вторая — серая, стальная и очень, очень толстая, — сказать сложнее. Однажды, когда Мелани вели обратно в камеру, дверь была снята с петель и над ней возилось несколько рабочих. (Ей бросилось

в глаза множество болтов и заклепок.) Увидев множество всяких болтов и заклепок по краям, Мелани подумала, что открыть ее было бы очень тяжело. За дверью была длинная лестница, уходящая вверх. Так как она не должна была этого видеть, сержант сказал: «Маленькая сучка слишком глазастая» — и, толкнув ее в камеру, захлопнул дверь. Но она видела, и она помнит.

Мелани не только наблюдает, но и слушает. Из тихих разговоров и перешептываний она узнает что-то о месте, где находится, сравнивая его с другими местами, где никогда не бывала. Это тюрьма. За ее пределами располагается база, которая называется Отель «Эхо». За базой — регион № 6, тридцатью милями южнее — Лондон, от него еще сорок четыре мили на юг, и будет Маяк, а за ним — ничего, одно море. Большая часть 6-го региона зачищена, но это заслуга огненных патрулей, с их гранатами и зажигательными ядрами. Предназначение базы — посылать огненные патрули на зачистку «голодных», в этом Мелани уверена.

Огненные патрули должны быть очень осторожны, поскольку вокруг до сих пор очень много голодных. Если они учуют твой запах, то выследят тебя и за сотню миль, поймают и съедят. Мелани рада, что живет в тюрьме, за большой стальной дверью, здесь она в безопасности.

Маяк сильно отличается от базы. Это огромный город, в котором живет множество людей, а здания дотягиваются до облаков. С одной стороны город окружает море, с другой — рвы и минные поля, поэтому голодным никак к нему не подобраться.

В Маяке ты можешь прожить всю жизнь, так и не увидев ни одного голодного. И он настолько большой, что в нем, скорее всего, живет сто миллиардов человек!

Мелани надеется когда-нибудь попасть туда. Когда задача будет выполнена и когда (так однажды сказала доктор Колдуэлл) все хвосты будут подчищены. Мелани представляет себе этот день: стальные стены складываются, как страницы книги, и потом... что-то еще. Что-то снаружи, куда они все выйдут.

Это будет страшно, но так захватывающе!

Каждое утро из стальной двери выходит сержант, его люди и затем учитель. Они проходят по коридору, мимо двери Мелани, пронося с собой горький запах химикатов, который всегда с ними. Это не самый вкусный запах на свете, но Мелани он нравится, поскольку означает начало нового учебного дня.

Как только Мелани слышит шаркающие шаги, она подбегает к двери в своей камере и встает на цыпочки, чтобы увидеть проходящих людей в маленьком дверном окошке. Она кричит «Доброе утро!», но им приказано не отвечать, и чаще всего они молча проходят мимо. Сержант и его люди никогда не обращают на нее внимания, как и доктор Колдуэлл и мистер Виттакер. А доктор Шелкрик всегда буквально пронесится мимо, не глядя по сторонам, поэтому Мелани ни разу не увидела ее лица. Но иногда Мелани замечает слабый кивок мисс Джустин или тайную улыбку мисс Мейлер.

Кто бы ни был сегодня учителем, он идет прямо по коридору в класс, в то время как люди сержанта начинают открывать двери камер. Они должны при-

вести детей на урок. Все начинается с долгой проверки. Мелани считает, что эта процедура одинакова для всех детей, но до конца не уверена в этом, потому что проверка всегда проходит внутри камеры, а изнутри она видит лишь свою собственную.

Сначала сержант стучит во все двери и кричит детям, чтобы они приготовились. Обычно он кричит «На выход!», но иногда добавляет еще пару слов, и получается: «На выход, вы, маленькие ублюдки!» или «На выход! Давайте посмотрим на вас!». Его большое лицо, все в шрамах, подплывает к окошку камеры и пристально смотрит на вас, пока не убедится, что вы встали с постели и начали одеваться.

Мелани помнит, как однажды он произнес речь, обращенную, правда, не к детям, а к своим людям. «Некоторые из вас новички. Вы не знаете, какого черта подписали ту проклятую бумажку и в какой заднице сейчас находитесь. Да к тому же вы боитесь этих мелких уродцев, так? Хорошо. Теперь впустите в себя этот страх и никогда не переставайте бояться. Чем больше вы напуганы — тем меньше шанс, что вы облажаетесь». Потом он прокричал «На выход!» и Мелани обрадовалась, так как не понимала, надо ли будет выходить или нет.

После того как сержант кричит «На выход!», Мелани быстро надевает белую униформу, висящую на крючке рядом с дверью, достает из ящика в стене белые брюки, а из-под кровати — белые туфли. Затем она садится в инвалидное кресло, что стоит рядом с кроватью, кладет руки на подлокотники, ноги ставит на подножки и закрывает глаза — делает все, как ее учили. Закрыв глаза, она начинает считать.

Максимум она досчитала до 2526, а самое меньшее — до 1901.

Когда ключ в двери поворачивается, она перестает считать и открывает глаза. Сержант заходит в камеру, направляя на нее свой пистолет. После заходят двое людей сержанта и затягивают лямки ремней на запястьях и лодыжках Мелани. Есть еще ремень для шеи; его затягивают последним, когда ногами и руками пошевелить уже невозможно; затягивая, надсмотрщики всегда стоят сзади. Ремень разработан таким образом, чтобы людям сержанта никогда не пришлось держать руки перед лицом Мелани. Пока его затягивают, она иногда говорит им: «Я не кусаюсь». Она всегда говорит это с улыбкой, пытаюсь расшевелить их, но они никогда не смеются. Сержант однажды посмеялся, когда впервые услышал это, но смех его был противный. Внезапно перестав смеяться, он сказал: «Как будто мы дадим тебе шанс, сладенькая».

Когда Мелани полностью привязана к креслу, ее везут в класс и оставляют перед партией. Учитель в этот момент может разговаривать с другим учеником или писать что-то на доске, но обычно она (или он, если это мистер Виттакер — единственный мужчина из учителей) прерывается и говорит: «Доброе утро, Мелани». Благодаря этому дети, которые сидят на первых партах, узнают, что приехала Мелани, и тоже говорят ей «Доброе утро». Большинство из них, конечно, не может ее видеть, ведь они сами сидят в своих креслах и не в силах пошевелить головой.

Эта процедура — закатывание в класс кресла-каталки, приветствие учителя, а затем остальных уче-

ников — происходит еще девять раз, так как после Мелани в класс ввозят еще девятерых. Одна из них, Анна, была когда-то лучшей подругой Мелани, а может, и сейчас ей остается, вот только в прошлый раз, когда детей пересаживали (сержант называет это «перетасовкой колоды»), Анна оказалась в другом конце класса, а трудно называться лучшими друзьями, если вы не можете даже поговорить. Из этих девяти Мелани знает еще Кенни, но его она недолюбливает, потому что он зовет ее Мыльные Мозги или М-М-М-Мелани, дабы напомнить ей о том, что она раньше заикалась.

Занятия начинаются, когда всех детей привозят. Каждый день есть уроки математики и английского, а после них — контрольные работы, но вот на остаток учебного дня никаких планов, кажется, никогда нет. Некоторые учителя любят читать вслух книги, а потом задавать вопросы о прочитанном. Другие заставляют писать таблицы и уравнения, запоминать даты и учить историю. Последнее у Мелани получается лучше всего. Она знает всех королей и королев Англии, время их правления, все города Великобритании, их численность, реки, что протекают через них (если, конечно, таковые имеются), а также девизы (если, конечно, у них есть девизы). Она также знает главные столицы Европы и их численность и еще года, когда они воевали с Англией, что, так или иначе, делали почти все.

Ей не трудно все это запомнить; она делает это, чтобы не скучать, так как скука — самое плохое, что может быть. Если она знает площадь какого-либо города и его численность, она может высчитать в го-

лове среднюю плотность населения, а потом сделать регрессионный анализ, чтобы представить, сколько людей там может быть через десять, двадцать или тридцать лет.

Но тут есть одна проблема. Мелани узнала все о городах Великобритании на уроках мистера Виттакера, и она не уверена в том, что он сам так уж хорошо в этом разбирается. Все дело в том, что однажды Мелани спросила его: «1,036,900 человек — это население Бирмингема с пригородом или без?» В ответ он печально улыбнулся, слегка замялся и пробормотал: «Кому какое дело? Ничто из этого не имеет уже никакого значения. Я сказал вам лишь то, что написано в учебниках, которые дошли до нас, а им больше тридцати лет».

Но Мелани не успокоилась, так как знала, что Бирмингем самый большой город в Англии после Лондона, — поэтому ей важно было знать точные цифры: «Но что говорят переписи о...».

Мистер Виттакер оборвал ее: «Господи, Мелани, это не важно. Это древняя история! На месте Бирмингема сейчас ничего нет, выжженное поле, да и только. Знаешь, каково его население? Ноль!»

Так что, возможно, даже вполне вероятно, некоторые списки Мелани следует в какой-то степени обновить.

Дети занимаются в классе с понедельника по пятницу. По субботам они остаются запертыми в своих камерах, никто не приходит, даже сержант, а из громкоговорителей играет музыка. Она грохочет так, что разговаривать становится невозможно. Давным-давно у Мелани была идея создать язык,

в котором вместо слов были бы знаки, чтобы дети могли общаться друг с другом через маленькие окошки в дверях, и она придумала ряд основных жестов, которые были довольно просты и одновременно забавны, но когда она спросила мисс Джустин, нельзя ли ей научить этим жестам одноклассников, та резко ответила «нет!», взяв при этом с нее обещание никому не рассказывать про свою идею, особенно сержанту. «У него и так мозги набекрень от вас, а если он вдобавок узнает, что вы разговариваете за его спиной, то потеряет последние крохи благоразумия».

Поэтому Мелани так никого и не научила своему новому языку.

Субботы обычно очень длинные и глупые, каждый раз их тяжело переживать. Мелани пересказывает сама себе вслух истории, которые им рассказали в классе, или повторяет доказательство бесконечности множества простых чисел в такт музыке, потому что так ее голос практически не слышен. Очень редко случается, что сержант все же приходит и приказывает ей замолчать.

Мелани знает, что сержант никуда не уходит по субботам, потому как однажды Ронни начала колотить рукой по сетке в окошке и колотила до тех пор, пока рука ее не превратилась в кровоточащий кусок плоти. Тогда пришел сержант и привел с собой двоих людей. Все они были одеты в защитные костюмы, за которыми не видно лиц. По звукам, доносившимся из камеры Ронни, Мелани догадалась, что они пытались усадить ее в кресло и пристегнуть. Было ясно, что та отчаянно сопротивлялась, продолжая кричать:

«Оставьте меня в покое! Отпустите!» Затем в общей картине звуков появился ужасный треск, который все усиливался и усиливался, пока один из людей сержанта не прокричал: «Господи, только не...» — тут криками наполнился весь коридор. Почти неразличимо прозвучали слова: «Держи другую руку! Держи ее, черт тебя дери!» Спустя несколько мгновений воцарилась тишина.

Мелани не может сказать, что случилось после. Люди сержанта прошли по коридору и закрыли окошки на дверях всех камер. В понедельник Ронни не было в классе, и никто не знал, что с ней случилось. Мелани хочется думать, что на базе есть еще один класс и Ронни отвели как раз туда. И, быть может, однажды, когда сержант будет «тасовать колоду», она вернется. Хотя она понимает, что, скорее всего, сержант увел куда-то Ронни, чтобы наказать за ее поведение. Наверяд ли он позволит ей когда-нибудь увидеть одноклассников.

Воскресенья это почти то же, что и субботы, только с душем и обедом. С утра детей заковывают в кресла, будто это обычный учебный день, но не пристегивают правую руку. Всех отвозят в душевую, это последняя дверь справа, как раз перед той стальной дверью.

Душевая выложена белым кафелем и абсолютно пуста. Когда всех одноклассников вкатывают в нее, люди сержанта приносят миски с ложками и ставят их на колени детям.

В миске извивается около миллиона крошечных личинок.

Дети едят.

В рассказах, которые они читают на уроках, дети иногда едят другие вещи — пирожные, и шоколад, и сосиски, и пюре, и чипсы, и конфеты, и спагетти, и фрикадельки. На самом же деле они едят только личинки и только раз в неделю. Доктор Селкрик ответила однажды, когда Мелани спросила, почему так: «Ваши тела невероятно эффективно перерабатывают белок. Кроме него, вам ничего больше не нужно. Ты чувствовала когда-нибудь жажду? Вот именно, все потому, что личинки полностью насыщают твой организм всеми необходимыми веществами».

Когда личинки доедены, люди сержанта забирают пустые миски, выходят и наглухо задраивают входную дверь. Теперь в душевой абсолютная темнота. Трубы за стенами начинают посмеиваться, и с потолка на детей падают первые капли химического спрея.

Это им пахнут все учителя и люди сержанта. Только в душевой его запах куда резче. Сначала тело слегка покалывает, но потом кожу будто пронзает тысяча игл. Глаза Мелани опухают, краснеют и почти перестают видеть. Но уже минут через тридцать, если сидеть неподвижно, все неприятные ощущения проходят, а вместе с ними и запах. Хотя к запаху, скорее всего, дети просто привыкают. Еще с час все сидят в крошечной темноте и ждут людей сержанта. Из-за этого купания воскресенье, возможно, самый отвратительный день в неделе.

А вот самый лучший — когда преподает мисс Джустин. Это не всегда один и тот же день, а бывают недели, когда она и вовсе не приходит. Но если Ме-